

Владимир Ленин в размышлениях Вальтера Беньямина до, во время и после «Московского дневника»

ДМИТРИЙ СМИРНОВ

Профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет (ИвГУ).
Адрес: 153025, Иваново, ул. Ермака, 39. E-mail: d-smirnov@mail.ru.

Ключевые слова: Вальтер Беньямин; Владимир Ленин; советская пропаганда; массовое сознание; большевизм.

Статья посвящена анализу образа Владимира Ленина в размышлениях Вальтера Беньямина под влиянием знакомства с работами лидера большевиков, воспоминаниями его современников и собственными наблюдениями автора во время поездки в Москву, вошедшими в «Московский дневник» и другие произведения по мотивам путешествия в Советскую Россию. Именно поездка в Москву в 1926–1927 годах позволила Беньямину непосредственно наблюдать и оценивать место Ленина в культуре и массовом сознании, сопоставляя эти впечатления со сложившимся представлением о нем. Анализ работ и переписки Беньямина позволил выделить характерные черты образа Ленина, факторы формирования, сохранения и изменения образа вождя мирового пролетариата.

Автор анализирует попытки критического отношения к инструментам

создания образа Ленина в массовом сознании, прежде всего к машине советской пропаганды. Раскрыты причины сохранения ленинского образа в представлении Беньямина в последующие десятилетия после путешествия в Советскую Россию и обстоятельства, приведшие к их пересмотру. «Ленинские» впечатления Беньямин отразил в своих теоретических построениях на различные темы. Особенно ярко это проявилось в рассуждениях о политизации, или даже пролетаризации, интеллигентов, деятельность которых лежала в сфере искусства и была далека от классовых интересов пролетариата. Влияние образа пролетарского вождя на Беньямина прослеживается вплоть до начала Второй мировой войны. Приходившие из «нового мира» негативные новости не были способны разрушить созданный на этой основе образ Советской России.

ВЛАДИМИР Ленин был интересен Вальтеру Беньямину не только как один из идеологов марксизма, вождь большевистской революции и лидер Советской России. В его работах, дискуссиях с современниками, теоретических конструкциях и воспоминаниях на всем протяжении научной деятельности можно увидеть и другого Ленина. Особое внимание немецкий мыслитель уделял влиянию Ленина на советскую культуру, которое отразилось, с одной стороны, в произведениях искусства, а с другой — в том, какое место в массовом сознании в Советской России занял усиленно формируемый и насаждаемый большевиками культ Ленина. Определенно переломным моментом для восприятия Ленина стала поездка Беньямина в Москву в 1926–1927 годах. Тогда он смог непосредственно наблюдать и оценить, что значил Ленин в культуре и массовом сознании, и сопоставить эти наблюдения и оценки со своими уже сложившимися к тому времени представлениями.

Поэтому при анализе размышлений Беньямина о личности и идеях Ленина, кроме многообразия содержания и форм, важно учитывать временной фактор. Комплекс этих размышлений можно разделить на три составляющие: а) отрывочные представления о Ленине, сформировавшиеся по косвенным свидетельствам до поездки в Москву; б) значительный пласт личных воспоминаний и первые теоретические размышления о вожде большевистской революции, ставшие результатом собственно путешествия в Советскую Россию; в) теоретические конструкции и переосмысление увиденного в Москве, а также идеи, сформировавшиеся в результате дискуссий с коллегами на близкие к «ленинским» темы в последующие годы.

Западный интеллеktуал Беньямин, склонный остро воспринимать информацию о революции и симпатизировавший марксизму, проявлял внимание к Ленину, его идеям и событиям, в которых тот участвовал, задолго до своего путешествия. Однако до поездки в Москву Беньямин вынужден был знакомиться с ним лишь по его работам, информации из газет, суждениям его политических сторонников и противников в Германии. Проблему создавало и незнание русского языка. К тому же немецкоязычных источ-

ников, рассказывавших собственно о личности Ленина, в середине 1920-х годов было весьма немного. Работы вождя большевиков, как и воспоминания о нем, мало переводились и издавались на немецком языке.

В декабре 1926 года в своей рецензии на изданные в 1924 году письма Ленина Максиму Горькому (первая публикация его личной переписки на немецком) Бенъямин поддержал мнение Льва Каменева, написавшего в предисловии к ним:

Имеется очень мало документов, которые дают возможность сотням и тысячам людей обращаться к личности Ленина, основным чертам его духовного облика, которые характеризуют его как ученого и ведущего политика. Их имеется очень, очень мало. Среди этих редких документов письма к Горькому являются важнейшими¹.

Впрочем, для самого Бенъямина они имели вполне конкретное значение, поэтому он тут же сделал оговорку:

Но кто из этого [из слов Каменева. — Д. С.] не пришел бы к выводу, что эти письма также насквозь пропитаны политикой, тот сильно ошибся бы. Так как они увлекательны именно тем, что политический отпечаток в них определяет самые что ни на есть человеческие отношения².

Интерес к таким документам был связан у Бенъямина с научным стремлением объединить частное и общее при анализе человеческих отношений, будь то история, культура, политика, экономика. Личная жизнь и политические взгляды на всем протяжении научной деятельности представлялись Бенъямину тесно взаимосвязанными друг с другом, и только такое понимание позволяло ему составить подробное представление о человеке, будь то политик, общественный деятель или писатель.

Впрочем, на данном этапе ему явно не хватало не только свидетельств о личной жизни, но и теоретических работ Ленина, которые на немецком практически не выходили. Интересно, что в том же 1924 году, когда на немецком языке вышла переписка Ленина и Горького, Бенъямин в письме с острова Капри своему препода-

1. *Benjamin W.* [Rez. zu] *W. I. Lenin, Briefe an Maxim Gorki, Wien 1924//* *Gesammelte Schriften.* Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991. Bd. III. S. 51.

2. *Ibidem.*

вателю социологии того времени Готфриду Саломону, вспоминая о протекавшей там же в 1907–1912 годах деятельности «революционной академии» под руководством Максима Горького, обращает его внимание на «замечательный некролог» именно Горького о Ленине³. Возможно, он и привлек внимание Бенямина к работам самого Ленина и вышедшей вскоре его переписке с пролетарским писателем.

Однако относительно детальное изучение конкретных работ Ленина началось для Бенямина позже. Осенью следующего, 1925 года Бенямин рассказал в письме другу, Гершому Шолему, что его брат Георг, к тому времени окончательно определившийся в своих партийных предпочтениях и примкнувший к КППГ (Коммунистической партии Германии), подарил ему вышедший на немецком языке в Вене первый том избранных трудов Ленина. При этом Бенямин подчеркнул, что «второй, который будет содержать философские сочинения и вскоре выйдет, я ожидаю с нетерпением»⁴. Это было вызвано именно желанием детально познакомиться с идеями вождя большевистской революции. Очевидно, что одного лишь тома переписки и одного тома работ Ленина Бенямину было недостаточно. Но это составило определенный фундамент для личного, пусть и заочного знакомства мыслителя с идеями лидера Советской России накануне его поездки в Москву. Возможно, что определенное направление в оценках Ленина Бенямину задали также работа Дьёрдя Лукача «Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей», которую он вскользь упоминает несколькими месяцами ранее в другом письме Шолему. Но подробно ее при этом не характеризует⁵.

Вооружившись таким методологическим инструментарием, Бенямин в 1926 году отправляется в Москву. Примечательно, что, объясняя свой интерес к Советской России и происходившим здесь процессам, Бенямин среди первостепенных обстоятельств указывает на связь политики и частной сферы в жизни и деятельности человека. Именно в этом свете он изложил причины поездки в столицу «нового мира» в предисловии к французскому переводу отрывков из очерка «Москва», которые планировались к публикации в газете *Humanité* в июне 1927 года, но так

3. *Idem.* An Gottfried Salomon-Delatour, Capri, 16.9.1924 // *Gesammelte Briefe.* Fr.a.M.: Suhrkamp, 1995–2000. Bd. II. S. 492.

4. *Idem.* An Gerschom Scholem, Berlin, 21.7.1925 // *Gesammelte Briefe.* Bd. III. S. 64.

5. *Idem.* An Gerschom Scholem, Frankfurt am Main, 19.2.1925 // *Gesammelte Briefe.* Bd. III. S. 18.

и не увидели свет. При этом свое внимание к Советской России он рассматривал как характерное не только для его друзей и коллег в Германии, но и для целого поколения интеллектуалов Европы.

На рубеже 1910–1920-х годов они пытались осмыслить возможности активного участия в развернувшихся на континенте процессах, а затем, на рубеже 1920–1930-х годов, констатировали их утрату:

Я принадлежу к поколению, которому сегодня между тридцатью и сорока. Интеллигенция этого поколения, пожалуй, надолго стала последней, которая получила совершенно неполитическое воспитание... История Германии послевоенного времени — это в некоторой степени одновременно история приобретения революционного образования этим первоначально левым крылом интеллигенции... Все более и более в Германии ощущается — что особенно важно в этом процессе — сомнительность свободного писателя как такового, и мало-помалу ясно понимается, что писатель (как вообще интеллеktуал в широком смысле), осознанно или нет, хочет он того или нет, работает по поручению класса и сохраняет свой мандат, полученный от класса... Среди этих обстоятельств сочувствие немецкой интеллигенции к России является не только абстрактной симпатией, ее ведет реальный интерес. Она хочет понять: как выглядит интеллигенция в стране, в которой пролетариат дает ей поручение? как пролетариат конструирует условия ее жизни и как они проявляют себя в окружающем мире? что она должна ждать от пролетарского правительства?⁶

С таким объяснением внимания к Советской России можно согласиться и найти подтверждение этому в работах многих симпатизировавших ей европейцев того времени. Изменения взглядов Беньямина на Советскую Россию также являются ярким примером трансформации симпатий к ней его поколения.

Одним из объектов наблюдений в Москве для немецкого мыслителя стало именно значение Ленина для политики, культуры, общественного сознания и повседневной жизни Советской России. Многое из увиденного поразило Беньямина. Особенно это касалось масштабов и многообразия культа Ленина, который он

6. Текст предисловия приводится среди архивных материалов в примечаниях издателей к собранию сочинений Вальтера Беньямина: *Anmerkungen der Herausgeber // Gesammelte Schriften*. Bd. IV. S. 781–782.

назвал «новым визуальным культом»⁷. Так, Беньямин отмечал, что при входе в Оружейную палату

...висит портрет Ленина подобно тому, как на месте, где раньше приносили жертву богам, обращенные в христианство язычники устанавливали крест⁸.

Еще один отмеченный Беньямином факт — ларьки с иконами, которые

...расположены вместе с рядами бумажных товаров, так что они со всех сторон окружены портретами Ленина, словно арестованные жандармами⁹.

Тенденция к замещению образами Ленина религиозной символики очевидна для Беньямина и в открывавшихся большевиками учреждениях образования и культуры. В клубе красноармейцев в Кремле он обнаружил некое новое воплощение иконостаса, выраженное в карте Европы:

Рядом рукоятка. Если ее покрутить, происходит следующее: одна за другой во всех местах, где в течение своей жизни побывал Ленин, загораются маленькие электрические лампочки. В Симбирске, где он родился, в Казани, Петербурге, Женеве, Париже, Кракове, Цюрихе, Москве, вплоть до Горок, места, где он умер. Другие города на карте не отмечены. Контурные на этой рельефной деревянной карте спрямленные, угловатые, схематичные. Жизнь Ленина на ней похожа на колонизаторский поход по Европе.

Немецкий мыслитель сделал вывод:

Географическая карта близка к тому, чтобы стать центром новой русской культовой иконографии, подобно портрету Ленина¹⁰.

Беньямин также отметил, что образ вождя в таком идеологическом качестве насаждался уже с детства. Это он и увидел в школе:

7. *Idem.* Moskauer Tagebuch // Gesammelte Schriften. Bd. VI.. S. 335.

8. *Ibid.* S. 351.

9. *Ibid.* S. 353.

10. *Ibid.* S. 336.

Кто впервые войдет в русскую классную комнату, остановится в ошеломлении... Красный цвет преобладает; повсюду советские эмблемы и изображения Ленина¹¹.

В этой функции образ Ленина превратился в необходимый атрибут советской пропаганды и после школы. В становившихся обязательными ленинских уголках на предприятиях, замечал Беньямин, всегда были стенгазеты, которые «представляли собой схемы той же коллективной формы выражения, только для взрослых»¹². Ленинские уголки со стенгазетами приобретали широкий круг функций — от пропагандистских до информационных и просветительских:

Они были созданы из необходимости времен гражданской войны, когда во многих местах не было больше ни газетной бумаги, ни типографской краски. Сегодня они обязательны в общественной жизни предприятий. Каждый ленинский уголок имеет свою стенгазету, вид которой меняется в зависимости от предприятий и авторов. Постоянен лишь наивный радостный настрой: цветные картинки, а между ними — проза или стихи. Стенгазета — это хроника коллектива. Она дает статистические данные, но также и шутливую критику товарищей, перемежая это предложениями об улучшении производства и призывами к совместным акциям взаимопомощи. Кроме того, стены ленинского уголка покрывают также надписи, предостережения и учебные плакаты. Даже на производстве каждый словно окружен цветными плакатами, проклиная все ужасы машин. Так, здесь представлен рабочий, чья рука попала между спицами приводного колеса, другой рабочий, напившись, вызывает короткое замыкание и взрыв, третий рабочий коленом попадает между колбами. В библиотеке красноармейцев висит доска, где коротким текстом со множеством забавных схем объясняется, как много существует способов портить книгу. В сотнях тысяч экземпляров распространен по всей России плакат, посвященный введению метрической системы мер, принятой в Европе. Метр, литр, килограмм должны быть выставлены на обозрение в каждой столовой¹³.

11. *Idem*. Moskau // *Gesammelte Schriften*. Bd. IV. S. 341.

12. *Ibidem*.

13. *Ibidem*.

Еще один пример пропагандистского эффекта, достигаемого с использованием образа Ленина, Беньямин наблюдал в одном из крестьянских клубов, где прежде располагался «один из лучших ресторанов Москвы»:

Иногда бывает поучительная театральная постановка в форме «судебного процесса». Тогда около трехсот человек, сидящих и стоящих, заполняют задрапированный красным зал до последнего уголка. В нише — бюст Ленина. Процесс проходит на сцене, перед которой справа и слева нарисованы представители пролетариата — крестьянства и промышленных рабочих, олицетворяющих «смычку», скрепу города и деревни. Только что закончили заслушивать показания свидетелей, слово имеет эксперт. У него вместе с ассистентом есть специальное место со столиком, напротив него стол адвоката, оба повернуты торцом к публике. В глубине, фронтально, стол судьи. Перед ним сидит, в черной одежде, держа в руках толстый сук, обвиняемая, крестьянка. Она обвиняется в знахарстве со смертельным исходом. Из-за ошибочных действий она лишила жизни женщину при родах. Аргументация обвивает это дело в монотонные, простые обмены мысли. Эксперт дает свое заключение: причиной смерти роженицы стали только ошибочные действия. Адвокат, однако, защищает: нет злой воли, в деревне отсутствуют медицинская помощь и санитарное просвещение. Заключительное слово обвиняемой: ничего, всегда при этом могут умирать. Обвинитель требует смертной казни. Затем председатель обращается к собранию: есть вопросы? Но на эстраде появляется только один комсомолец и требует беспощадного наказания. Суд удаляется на совещание. После короткой паузы следует приговор, который выслушивают стоя: два года тюрьмы с учетом смягчающих обстоятельств. Одинокое заключение не предусмотрено. В заключение председатель, в свою очередь, указывает на необходимость учреждения в сельской местности гигиенических и образовательных центров. Такие демонстрации тщательно готовятся; об импровизации здесь не может быть и речи. Нет более действенного средства, чтобы мобилизовать публику по вопросам большевистской морали в духе партии¹⁴.

Показательно, что и бюст Ленина присутствует на этом судебном процессе как символ высшего авторитета большевистского правосудия.

14. Ibidem.

Именно Ленину посвящена и заключительная часть очерка «Москва», словно подводящая итог наблюдениям Беньямина в советской столице. Это свидетельствует о том, что глубокие впечатления, почерпнутые им в московской поездке, во многом концентрировались вокруг того, какое место образ Ленина занимал в политике и массовом сознании Советской России. При этом в образ вождя оказалась включена не только жизнь, но и смерть Ленина, подтверждение чему Беньямин увидел в комплексе траурных мероприятий, которые в Москве проходили ежегодно:

В день смерти Ленина многие появляются с траурными повязками. Весь город как минимум на три дня приспускает флаги. Но многие флажки с черной повязкой остаются висеть неделю или две. Российский траур по мертвому вождю, конечно, несравним с поведением, которое принимает народ в такие дни в другом месте... Траур по Ленину для большевиков — одновременно и траур по героическому коммунизму. Те несколько лет, которые он возвращает, для русского сознания — долгий срок. Деятельность Ленина настолько ускорила течение событий в его эру, что его личность быстро стала прошлым, его образ быстро отдалился. Однако в оптике истории — в этом ее противоположность пространственной — удаление означает увеличение... Показательно, что в трезвом и скупом на прогнозы отчете английской профсоюзной делегации оказалась достойной упоминания возможность того, что, «когда память о Ленине найдет свое место в истории, этот великий русский революционный реформатор даже будет объявлен святым»¹⁵.

Со своей позиции наблюдателя сам Беньямин детально и разносторонне характеризует созданный в итоге большевистской пропагандой образ вождя революции:

Уже сегодня культ его образа простирается необозримо далеко. Находят магазин, в котором он продается как особый товар во всех размерах, позах и материалах. Он стоит в виде бюста в ленинских уголках, в виде бронзовой статуи или рельефа в крупных клубах, в виде портрета в натуральную величину в конторах, в виде небольшой фотографии на кухнях, в прачечных, в кладовых. Он висит в вестибюле Оружейной палаты в Кремле, подобно тому как на прежде безбожном месте обращенными язычниками

15. Ibid. S. 347–348.

ками устанавливался крест. Постепенно выстраиваются и его канонические формы. Широко известный образ оратора является наиболее частым. Но, возможно, еще более волнующим и близким оказывается другой: Ленин за столом, склонившись над номером «Правды». Таким прильнувшим к эфемерному газетному листу он оказывается в диалектическом напряжении своей сущности: взглядом определенно обращенный вдаль, но неустанной заботой сердца в настоящий момент¹⁶.

Столь глубокое проникновение образа Ленина в сознание и повседневную жизнь серьезно повлияло на дальнейшие размышления Бенямина о Советской России, большевизме и в целом марксизме.

После поездки в Москву свои «ленинские» впечатления Бенямин сохранил и отразил в последующих теоретических построениях на различные темы. Особенно это касалось рассуждений по поводу политизации, или даже пролетаризации, интеллигентов, чья деятельность часто была связана со сферой искусства и далека от классовых интересов пролетариата. Так, рассуждая о попытках интеллигентов радикализировать общественные процессы своими призывами к острой борьбе, Бенямин называл их «безнадежными», поскольку «даже пролетаризация интеллигента не создаст пролетария, так как ему задан класс бюргеров путем образования, с детства, на основе средств производства, которые делают его солидарным с ним»¹⁷. Бенямин считал, что эту солидарность точно понимал именно Ленин:

Наиболее четко из ленинских работ можно учиться тому, как особенно далек литературный вклад политической практики от хлама сырых фактов и репортажей, который нам сегодня преподносится в виде политических трудов, и в какой выдающейся степени он является теоретическим¹⁸.

Призывая избегать определения ленинских идей как концепции диктатуры, наряду с фашизмом, Бенямин указывал, что они покоятся на понятии классов, которое

16. Ibid. S. 348.

17. *Idem.* Zur Kritik der "Neuen Sachlichkeit" // *Gesammelte Schriften*. Bd. VI. S. 180.

18. *Ibidem.*

...в конце концов является для фашизма таким же малозначимым, как для какого-нибудь из многочисленных буржуазных реформистских или реакционных течений¹⁹.

Сохраняя в памяти и переосмысливая увиденное в Москве, Беньямин постоянно настаивал на изучении опыта Советской России, косвенно делая вывод о том, что в Германии оно находилось не на должном уровне:

В Германии, кроме сочинений политического и экономического толка, нет ортодоксально-марксистской литературы. Это главная причина удивительного незнания интеллектуалами — включая левых — марксистских вещей²⁰.

Эти выводы касались и рассмотрения теоретических положений, и анализа их практической реализации. По наблюдениям самого Беньямина, в Советской России именно воспитанию в духе классовой борьбы уделялось особое внимание, и многое при этом бралось непосредственно из ленинского идейного наследия:

Воспитание — это функция классовой борьбы, но не только. В соответствии с коммунистическим кредо оно представляет собой использование без остатка имеющейся среды на службе революционным целям. Так как в этой среде не только борются, но и трудятся, воспитание одновременно представляет собой трудовое воспитание... Тем самым в программе большевиков оно сводится к одному решающему пункту. В России в эру Ленина развернулась важнейшая дискуссия вокруг моно- и политехнического образования. Специализация или универсализм труда? Ответ марксизма звучит: универсализм. Только приобретая опыт самых разных социальных изменений, мобилизуя в любой среде по-новому свою энергию на службу классу, человек приходит к универсальной готовности действия, которая противопоставляет коммунистическую программу тому, что Ленин обозначает как «противоречивую черту старого буржуазного общества» — несоответствию теории и практики. Смелая, неожиданная персональная политика русских в полной мере свидетельствует об этой новой, не гуманистической и созерцательной, но активной и практической универ-

19. *Idem*. Für die Diktatur. Interview mit Georges Valois // *Gesammelte Schriften*. Bd. IV. S. 491.

20. *Idem*. Eine kommunistische Pädagogik // *Gesammelte Schriften*. Bd. III. S. 209.

сальности, универсальности готовности. Необозримая возможность применения чистой человеческой рабочей силы, которую капитал все время пытается довести до сознания эксплуатируемого, возвращается на высшую ступень, как политехническое всестороннее образование человека в противоположность специализированному. Это принципы массового воспитания, продуктивность которого может быть очевидной для подростков²¹.

О задачах воспитания и образования, обозначенных Лениным, Беньямин вспоминает, рассуждая о литературе в Советской России, которой предстоит в решении задач безграмотности столкнуться с довольно примитивной публикой:

Для миллионов и миллионов безграмотных еще только предстоит заложить основы общего образования. В знаменитом приказе Ленина по третьему фронту — в России под первым фронтом понимают политический, под вторым экономический, под третьим культурный — говорится, что безграмотность должна быть ликвидирована до 1928 года. Одним словом, сегодня русские авторы уже должны считаться с новой и гораздо более примитивной публикой, чем та, с которой имели дело предыдущие поколения. Их главная задача — дойти до масс. Тонкости психологии, стилистики, композиции должны быть полностью безразличны этой публике. Ей нужна не композиция, а информация, не вариации, а повторы, не виртуозные сочинения, а напряженные сюжеты²².

Беньямин сохраняет интерес не только к работам и идеям Ленина, он сравнивает свои оценки и воспоминания с образами вождя большевиков, представленными у других. В 1928 году в письме другу Альфреду Кону Беньямин писал, что прочитал в журнале «Европа» очерк Ефима Зозули «Открытие Ленина», очевидно перевод его знаменитого очерка о вожде Советской России. Рассказ об этом Беньямин закончил словами: «Ничего прекраснее о Ленине я не читал»²³. В 1929 году продолжением знакомства с частной жизнью вождя мирового пролетариата для Беньямина стали «Воспоминания о Ленине» Надежды Крупской, которые он упомянул среди прочитанных в одном из писем Шолему, соглаша-

21. Ibid. S. 208.

22. *Idem*. Neue Dichtung in Russland // Gesammelte Schriften. Bd. II. S. 756.

23. An Alfred Cohn, Berlin, 22.10.1928 // Gesammelte Briefe. Bd. III. S. 418.

ясь, «марксистски говоря», что в прочитанном «наполовину весь мой образ действий отражается»²⁴. Образ Ленина часто возникал и в дискуссиях Бенямина с Бертольтом Брехтом, что также можно найти в его записях по итогам этих встреч.

Сформировавшийся при поездке в Москву образ Ленина определял для Бенямина восприятие Советской России в последующие годы — до начала Второй мировой войны. Приходившие из «нового мира» негативные новости были не способны разрушить картину Советской России. Переломными в этом отношении стали события конца 1930-х годов. Близко общавшийся с Бенямином в Париже в эти годы еврейский писатель из Австрии Сома Моргенштерн рассказывал позже Гершому Шолему:

В то время он был оптимистом, и его намного больше интересовали разговоры со мной о Лескове, чем о Сталине и Геббельсе. До мрачного дня, когда обрушилась новость о пакте Гитлера и Сталина.

По оценкам Моргенштерна, в отличие от многих коммунистов, «новость о пакте нанесла ему лично неисцелимый удар». Бенямин не соглашался с предлагаемыми оправданиями действий Сталина, «хитрого грузина», «выигравшего у Гитлера пару лет для дальнейшего перевооружения». Бенямин полагал, что «коммунистическая идея дошла до своего конца и не скоро оправится»²⁵. В разговоре с ним Моргенштерн увидел, что «этот поступок Сталина отнял у него веру в исторический материализм», что нашло отражение в очерке «О понятии истории»:

Я предполагаю, что в ту же неделю он составил план своих тезисов, которые позже написал и которые означали не что иное, как ревизию исторического материализма²⁶.

Моргенштерн признался Шолему, что

...всегда считал Бенямина заблуждавшимся каббалистом и с болью сожалел, что такой духовно глубокий человек, как он, мог

24. An Gerschom Scholem, Berlin, 18.9.1929 // *Gesammelte Briefe*. Bd. III. S. 486.

25. *Morgenstern* S. Drei Briefberichte zu Walter Benjamins Exil // "Was noch begraben lag". Zur Walter Benjamins Exil. Briefe und Dokumente / G. Luhr (Hg.). B.: Bostelmann & Siebenhaar, 2000. S. 251–252.

26. *Ibid.* S. 252.

еще испытывать заблуждения в большевизме и мог быть сбит им с толку²⁷.

Изменение отношения к историческому материализму позволяет предположить, что серьезно менялось и его восприятие Ленина, сложившееся у Бенъямина под влиянием собственных ожиданий, советской пропаганды в Москве и напряженной общественной и политической деятельности в последующие годы. Однако представить его кардинально в ином свете мыслитель уже не успел.

Библиография

- Benjamin W. [Rez. zu] W. I. Lenin, Briefe an Maxim Gorki, Wien 1924 // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. III. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. An Alfred Cohn, Berlin, 22.10.1928 // Idem. Gesammelte Briefe. Bd. III. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1995–2000.
- Benjamin W. An Gerschom Scholem, Berlin, 18.9.1929 // Idem. Gesammelte Briefe. Bd. III. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1995–2000.
- Benjamin W. An Gerschom Scholem, Berlin, 21.7.1925 // Idem. Gesammelte Briefe. Bd. III. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1995–2000.
- Benjamin W. An Gerschom Scholem, Frankfurt am Main, 19.2.1925 // Idem. Gesammelte Briefe. Bd. III. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1995–2000.
- Benjamin W. An Gottfried Salomon-Delatour, Capri, 16.9.1924 // Idem. Gesammelte Briefe. Bd. II. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1995–2000.
- Benjamin W. Anmerkungen der Herausgeber // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. IV. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Eine kommunistische Pädagogik // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. III. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Für die Diktatur. Interview mit Georges Valois // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. IV. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Moskau // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. IV. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Moskauer Tagebuch // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. VI. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Neue Dichtung in Russland // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. II. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Zur Kritik der “Neuen Sachlichkeit” // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. VI. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991.
- Morgenstern S. Drei Briefberichte zu Walter Benjamins Exil // “Was noch begraben lag”. Zur Walter Benjamins Exil. Briefe und Dokumente / G. Luhr (Hrsg). B.: Bostelmann & Siebenhaar, 2000.
- Morgenstern S. Über Walter Benjamin. Aus Briefen an Gerschom Scholem // Idem. Kritiken, Berichte, Tagebücher. Lüneburg: zu Klampen, 2001.

27. *Idem.* Über Walter Benjamin. Aus Briefen an Gerschom Scholem // Kritiken, Berichte, Tagebücher. Lüneburg: zu Klampen, 2001. S. 516.

VLADIMIR LENIN IN WALTER BENJAMIN'S REFLECTIONS BEFORE, DURING AND AFTER "THE MOSCOW DIARY"

DMITRIJ SMIRNOV. Professor of World History and International Relations
Department, d-smirnov@mail.ru.
University of Ivanovo, 39 Ermaka str., Ivanovo 153025, Russia.

Keywords: Walter Benjamin; Vladimir Lenin; Soviet propaganda; collective consciousness; Bolshevism.

This article analyzes the image of Vladimir Lenin as a Bolshevik leader as depicted in Walter Benjamin's reflections under the influence of his works, memories of his contemporaries, and his own observations during his trip to Moscow. This was reflected in *The Moscow Diary* and his other works that were inspired by his trip to Soviet Russia. The trip to Moscow in 1926–1927 allowed Benjamin to observe and evaluate Lenin's position in culture and mass consciousness directly, and to compare these observations and evaluations with the image of Lenin he had developed prior to the journey. Based on an analysis of Benjamin's works and correspondence, the salient features of his image of Lenin are outlined, and attention is drawn to a range of factors that influenced the process of forming, preserving, and changing his perception of the leader of the world proletariat.

Benjamin's attempts to critically evaluate the tools of creating Lenin's image in the collective consciousness, including the machinery of Soviet propaganda, are also analyzed. The reasons Benjamin preserved the image of Lenin he created before travelling to Russia, even decades after the trip, and the circumstances leading to the revision of this image later, are investigated. Benjamin's impressions of "Lenin" are reflected in the theoretical constructions on various subjects. This is particularly true for his writings concerning the politicization, or even proletarianization, of intellectuals whose activity has often been connected with the sphere of art and is far from the class interests of the proletariat. The influence of "Lenin" on Benjamin can be traced up to the beginning of World War II. The negative news coming from "the new world" were not capable of destroying the picture of Soviet Russia created on the basis of Lenin's image.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-1-99-112

References

- Benjamin W. [Rez. zu] W. I. Lenin, Briefe an Maxim Gorki, Wien 1924. *Gesammelte Schriften. Bd. III*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. An Alfred Cohn, Berlin, 22.10.1928. *Gesammelte Briefe. Bd. III*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1995–2000.
- Benjamin W. An Gerschom Scholem, Berlin, 18.9.1929. *Gesammelte Briefe. Bd. III*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1995–2000.
- Benjamin W. An Gerschom Scholem, Berlin, 21.7.1925. *Gesammelte Briefe. Bd. III*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1995–2000.
- Benjamin W. An Gerschom Scholem, Frankfurt am Main, 19.2.1925. *Gesammelte Briefe. Bd. III*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1995–2000.
- Benjamin W. An Gottfried Salomon-Delatour, Capri, 16.9.1924. *Gesammelte Briefe. Bd. II*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1995–2000.
- Benjamin W. Anmerkungen der Herausgeber. *Gesammelte Schriften. Bd. IV*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.

- Benjamin W. Eine kommunistische Pädagogik. *Gesammelte Schriften. Bd. III*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Für die Diktatur. Interview mit Georges Valois. *Gesammelte Schriften. Bd. IV*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Moskau. *Gesammelte Schriften. Bd. IV*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Moskauer Tagebuch. *Gesammelte Schriften. Bd. VI*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Neue Dichtung in Russland. *Gesammelte Schriften. Bd. II*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Zur Kritik der “Neuen Sachlichkeit”. *Gesammelte Schriften. Bd. VI*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Morgenstern S. Drei Briefberichte zu Walter Benjamins Exil. “*Was noch begraben lag*”. *Zur Walter Benjamins Exil. Briefe und Dokumente* (Hg. G. Luhr), Berlin, Bostelmann & Siebenhaar, 2000.
- Morgenstern S. Über Walter Benjamin. Aus Briefen an Gerschom Scholem. *Kritiken, Berichte, Tagebücher*, Lüneburg, zu Klampen, 2001.